
Михаил ГУНДАРИН

СЕНТЯБРЬ В ПАРКЕ

Розовое, как небо,
небо
падает в пруд.
Передает привет,
но не хочу привета.
Я видел: они уходят,
я знал, что они уйдут,
но, несмотря на все,
думал:
останься, лето.

Спрятать в траве увядшей
предпоследние дни.
Встать, как тяжелый столб,
обрастая корою,
где за площадкой детской,
в теплой еще тени
человек или куст
шевелит бороною.

Я скажу ему молча:
человек или куст,
смерти не отпугнет
крашенная пластмасса.
Был я когда-то полон,
после сделался пуст.
Мог перезимовать,
да не скопил запаса.

* * *

О, сентябрьский воздух из толстых жил
утомленного города!
Вот стемнело.
Завтра праздник,
и нужно набраться сил.

Михаил Вячеславович Гундарин родился в 1968 году. Окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Преподает в вузах, кандидат философских наук, доцент. Стихи пишет с детства. Выпустил восемь поэтических сборников, последний по времени — «Простые слова» (2020). Живет в Москве.

Выпускают кровь
для такого дела —
на кленовые листья, обложки книг,
плавники цветастых автомобилей.
Теплый воздух.
Его бесконечный крик
слишком тих
для спящих —
не трать усилий.

БАШМАЧКИН ОСЕНЬЮ

Гуси толстоперые	То она отмычкойю
По небу спешат.	Тычется в замок,
Легче станет скоро им,	То плененной птичкою
А моя душа	Пачкает силок.
Перевоплощается	Мелким был чиновником,
Много раз подряд,	Вошью при вещах,
Но не прекращается	Так и то половником
Ежедневный ад.	Выловили в щак...

* * *

В провинции холодно.
Где бы достать кастет!
Столбы с проводами — словно коленки, врозь.
Ты говоришь: сюда не дойти мечте,
Зато уж если дойдет, то прожжет насквозь.

Я слушал дыханье осени.
Крепкий чай
Дышал так же медленно.
Жизнь почти прожита.
Нет электричества — невелика печаль.
Куда не доходит почта, дойдет мечта!

* * *

Города уголки	Которую неспроста
Тают как угольки	Держит гранит моста
Не убирай руки	Возле сонного тра
Как проступит ожог	Вызнав тот самый час
Читай его между строк	Не открывая глаз
Там имена Реки	Кружится немота

Сможешь произнести Не пролиться в огонь —
Высохшее почти Не убирай ладонь
Удержаться в горсти Не уступай пути!

УКРАВШИЙ СЛОВО

Наконец-то я выманил, уломал
это слово из племени диких слов.
Не уверовал вовсе — уворовал
и опять воровать готов.

(А вокруг знакомый насквозь пейзаж —
нескончаемый трепет сырых равнин.
Нашу темную ночь хоть на пряник мажь,
все равно получится гуталин.)

Вот стою, добычу свою зажав,
как жар-птицу, прячу в пустой мешок...
Безнадега трогает за рукав,
зряшной жизни выходит срок.

В ГОСПИТАЛЕ

Свет находит точку
в моем мозгу
Тихо прикасается огненной иглой
Я уже иду по его мосту
Новобранцем, стриженным наголо.

Подо мною жарко горят поля
гнется-выгибается та доска
Пролетают, голову опаля,
Злые птицы от темени до виска.

Хорошо бы Бог
расхотел огня,
погасил его
хоть на полчаса...
А еще бы снайпер прозевал меня.
А еще бы штурм
тогда удался...

* * *

Один из арбузов
окажется сразу всем —
футбольным мячом,
поплавком и воздушным шаром.

Другой — великаньим глазом в лихой красе
(По самый хрусталик он залит немым кошмаром).
А третий покатится прочь, голова моя
пристроится рядышком,
будто с луной копейка.
Ты любишь смотреть в окно,
загибать края,
московскою полночью нас различить сумеи-ка!

РАДИО «ШАНСОН»

Почитай мне Фаберже	Строгой юности-души
Тихо, не взятяг	Каждый встречный друг
Мы состарились уже	Наши финки хороши
Я не помню как.	Чтобы резать лук
Вот тебе моя рука	Слезы на моем ноже
Вот на небе Бог	Темный лес внутри
От звонка и до звонка	Фаберже не Фаберже,
Отмотавшим срок	Плачь и говори

* * *

Ты помнишь, в пустом кинозале
Проектор туманно мерцал?
Холодную ночь разливали
По нашим печальным сердцам.
Не тьма, но отсутствие света,
Не боль, но печаль ни о чем,
Здесь, в кинотеатре «Комета»,
В паденье любой вовлечен.
Мы врежемся в землю на титрах!
А эти пятнадцать минут
Еще поучаствуем в играх —
Осколки потом соберут.

КОВБОЙСКАЯ ПЕСНЯ

Шел по дикой прерии дилижанс...
Из дворовой песни

Стежок за стежком
Стишок за стишком
Джо разминает ткань
Билл говорит отстань
Смерть приходит пешком.

Гора как гора
Пора так пора
Билл разрезан и сшит
Смерть опять не спешит
Джо на месте с утра

Сердца на сердца
Теперь до конца
Смерть продолжает путь
Джо говорит забудь
Билл не сменит лица

* * *

Артериальную намажь
Погуще на края заката,
Сказал мой ангел,
в карандаш
преобразив сустав крылатый.

Он график, я акварелист,
Мы вместе сотворим такое —
Как иероглифами лист,
Все небо знаками покроем!

* * *

Ландшафт Москвы пестрит помарками,
и между прочими сюда
легла 16-я Парковая,
как межевая борозда.
Налево просто территория —
больница, школа, чайхана.

Зато направо — глушь, которая
Москве и не подчинена.
Куда пойду холодным вечером,
какие вспыхнут огоньки
на карте местности, помеченной
зигзагами моей тоски?

* * *

Небосвод, окольцованный этажами,
темен, пуст, как проселочная дорога.
Говорить об этом — играть с ножами
скорострельных молний.
Смотри, как много
вспышек электросварки на крыше мира!
Там не место птицам и нам с тобою.
Разве только ангела ли, зефира
промелькнет перо, но они — другое.
Человек в спецовке — той же породы,
Этот мир ему нестерпимо черен.
Он возьмет волшебные электроды
и насыплет сверху горящих зерен.

НОЧНАЯ БАЛЛАДА

Праздничной музыкой полон чужой костер.
Дайте погреться, ночь в лесу холодна!
Старая запись поставлена на повтор.
Появляется голос: поет война.

Зря я тогда отправился в зимний лес,
Вечность потратил, да и себя не спас,
А как оглянешься — все мы сегодня здесь,
Молча танцуем, не поднимая глаз.

УЧИТЕЛЬСКАЯ БАЛЛАДА

Я географ и биолог,
труд мой темен, жребий долог.
Я сижу один
в тесных стенах съемной хаты.
Многолетний арендатор,
никому не сын.
Вот верчу я кубик-рубик,
и меня конкретно рубит,
то есть спать хочу.
Сумрак телевизионный,
день осенний, быт казенный.
Тополь жжет свечу
над моим погибшим миром.
Я дышу ТВ-эфиром,
чем еще дышать?..
Как-то даже и не пьется.
Век стоит, а день несется.
То ли правда спать.
А во сне свои приколы —
распахнулись двери школы,
ломаются из них
зомби, звери, вурдалаки,
круто сваренные раки.
Впереди Жених.

У него облезлый череп,
пара помидорок черри —
вот его глаза.
Что он знает, что он хочет,
над какой фигней хохочет
весь базар-вокзал?
А ведь было (правда, было?),
я ходил (и жизнь водила)
по другим путям.
Завела потом в хрущевку,
словно бабочку в сгущенку.
Ешь ты это сам!
Снова выпадает решка,
жизнь проиграна, как пешка —
за бедой беда.
Даже то, как мы уснули —
он в могиле, я на стуле —
повод хоть куда.
Стал кровавым оригами
переполненный врагами
санаторий грез.
Просыпайся, поднимайся,
на работу собирайся,
умерший всерьез.

* * *

Снег на улицах нашей любви,
Позавчерашний снег,
Вспомни, потом картинку порви,
Как завалившийся чек.

О, эта покупка была ценна,
Так была дорога,
Как покинутая страна,
Сданная в скупку серьга!..